

Языки народов зарубежных стран (романские языки)

Научная статья

УДК 81-114.2

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-3-42-190

EDN: JDVREN

Когнитивный и когнитивно-биологический подходы как новое видение традиционных форм исследования языкового знака (на материале романских языков)

Михаил Сергеевич Бурак

Кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет. 191023, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30–32

bertran4442000@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8204-8213>

Аннотация. Данная статья посвящена природе языкового знака и особенностям его функционирования в языке. Предмет статьи представляется актуальным в связи с тем, что языковой знак – это одно из ключевых понятий лингвистической науки. Указанная проблематика находится на стыке лингвистики, философии и психологии и предоставляет возможность для исследований междисциплинарного характера. Методология исследования заключается в сопоставлении доктрин, касающихся предмета исследования, с привлечением как наиболее традиционных концепций, так и когнитивного, а также когнитивно-биологического подхода. В рамках статьи анализируются, прежде всего, доктрины Ф. де Соссюра, Э. Бенвениста и Ч. Пирса. Безусловной заслугой Соссюра является его роль пионера в области структурной лингвистики и первые теоретические разработки в том, что касается языкового знака. Споря с Соссюром, Бенвенист утверждает, что языковой знак связан с наименованием предмета не через него самого, а посредством акустического образа и смысла. Бенвенист выводит окружающую действительность – предметный мир за пределы человеческого мышления. Согласно мнению У. Эко, семантический треугольник Пирса демонстрирует большую объективность и емкость, так как отражает тройственную природу знака, по сравнению с системой Соссюра, описавшего его природу как дуалистичную. В противоположность традиционным точкам зрения когнитивная лингвистика утверждает неразрывную связь языка с опытом. Представители данного направления говорят о концептуализации как об одном из краеугольных камней человеческой психики, что отражается на процессе порождения языковых структур и функционировании языкового знака. Н. Л. Сухачев определяет словесный знак как «индивидуально-социальный „сигнал сигналов”». Приводимые в статье примеры на материале романских языков демонстрируют обоснованность существования и взаимодополняемости различных подходов к проблеме функционирования языкового знака. Повсеместное внедрение в жизнь искусственного интеллекта неизбежно ведет к пересмотру данной проблематики и открывает широкие перспективы для дальнейших исследований.

Ключевые слова: языковой знак; означающее; означаемое; денотат; когнитивный; сигнал; отражение

Для цитирования: Бурак М. С. Когнитивный и когнитивно-биологический подходы как новое видение традиционных форм исследования языкового знака (на материале романских языков) // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 3 (42). С. 190–200. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-190>. <https://elibrary.ru/JDVREN>

Languages of foreign countries (romance languages)

Original article

Cognitive and biological-cognitive approaches as a new vision of traditional forms in linguistic sign research (based on romance languages data)

Mikhail S. Burak

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of romance-germanic philology and translation, St. Petersburg state university of economics. 191023, St. Petersburg, Emb. Griboyedov Canal, 30-32

bertran4442000@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8204-8213>

Abstract. This paper concerns the linguistic sign nature and its functioning in human language. The subject is relevant because the linguistic sign is one of the key points of linguistics as a science. It lies at the intersection of linguistics, philosophy and psychology and provides an opportunity for interdisciplinary research. The research methodology consists of comparing the doctrines related to the research subject, involving both the most traditional concepts, and a cognitive as well as a cognitive-biological approach. The author analyses primarily the doctrines by F. de Saussure, É. Benveniste and Ch. Peirce. The obvious Saussure's merit is his role as a pioneer in structural linguistics and the first theoretical works concerning the linguistic sign nature. Debating with Saussure, Benveniste argues that the linguistic sign is not a link between the name of the object and the object itself, but a link between the concept and an acoustic image, e.g., sound pattern. Benveniste takes the surrounding reality, the world of material things, beyond the limits of human thought. According to U. Eco's opinion, Peirce's semantic triangle describing the triadic character of the linguistic sign proves to be more objective and succinct as a model, compared with Saussure's double-natured one. Unlike the traditional doctrines the cognitive approach states inextricable connection between language and experience. The scientists supporting this trend emphasize conceptualization as a foundation stone of human mind, which affects linguistic structures formation and the linguistic sign functioning. N. L. Sukhachev defines the verbal sign as a «signal of signals» of both individual and social nature. The pervading introduction of artificial intelligence opens up broad prospects for further research in this area.

Key words: linguistic sign; significant; signified; denotatum; cognitive; signal; reflection

For citation: Burak M. S. Cognitive and biological-cognitive approaches as a new vision of traditional forms in linguistic sign research (based on romance languages data). *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(3):190–200. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-190>. <https://elibrary.ru/JDVREN>

Введение

Данное исследование рассматривает специфику природы языкового знака и особенности его функционирования в языке. Поскольку языковой знак является одним из ключевых понятий лингвистической науки, предмет статьи представляется актуальным. При этом указанная проблематика находится на стыке лингвистики, философии и психологии и предоставляет возможность для исследований междисциплинарного характера.

Как известно, язык, являющийся главным способом человеческой коммуникации, представляет собой систему знаков. В связи с этим ученых давно занимает вопрос об онтологии языкового знака и его интерпретации.

Методология исследования заключается в рассмотрении и сопоставлении основных доктрин, касающихся указанного выше предмета, с привлечением как наиболее традиционных концепций, так и когнитивного, а также когнитивно-биологического подхода.

Так, в соответствии с доктриной Б. Потье, языковая коммуникация – это, прежде всего, как минимум обмен сообщениями между двумя собеседниками при условии сопоставимости их языковой компетенции [Pottier, 1967, с. 13]. С этой точки зрения язык являлся и является объектом исследований философов, психологов и лингвистов.

Спор между «номиналистами» – сторонниками конвенциональной связи между знаком и вещью и «реалистами», постулировавшими наличие имманентного родства между словом и обозначаемым

им предметом, уходит корнями в античность. Так, Платон утверждает присутствие в слове некоего априорного значения, соответствующего идее, вечной и неизменной. Иными словами, между объектом или явлением окружающего мира и его наименованием существует онтологическая связь. Платон и его последователи в этом отношении считали, что слово по своему фонетическому облику выражает самую суть обозначаемой им вещи. Последнее из приведенных суждений, возможно, обусловлено примерами ономотопеи, роль которой в языке была явно преувеличена [Gómez, 2012, с. 15].

Согласно наблюдениям С. Чепмена и К. Раутледжа, базирующимся на учении Аристотеля: «Окружающая действительность явлена нам, скорее, в отдельных объектах и сущностях, нежели посредством общих идей. Согласно Аристотелю, существует естественное соответствие между объектом и его ментальной репрезентацией, конвенционально представленной в виде произвольно установленного знака, как в устной речи, так и в письменной» (*здесь и далее перевод мой – М. Б.*) [Chapman, Routledge, 2008, с. 34–50]. Полемизируя с Платоном, Аристотель отрицает принцип отражения в слове идеи, изначально присущей предмету или явлению и неразрывно с ними связанной [Gómez, 2012, с. 15].

Отталкиваясь, в частности, от этого положения, Фердинанд де Соссюр пишет свой «Курс общей лингвистики», послуживший основой всех последующих разработок в области теоретического языкознания и в особенности структуралистских теорий. Согласно наблюдению исследовате-

ля, язык реализует свои функции в зависимости от отношений слова и мысли, с одной стороны, и слова и его звуковой оболочки с другой. При этом истоки формирования акустического образа лексемы в основном не связаны с причинами обретения ею данной семантики [Saussure, 1945, с. 91].

Знаки *не есть* непосредственная имитация обозначаемого ими объекта, так как их, как правило, нельзя объяснить, исходя из их собственной природы. Согласно мнению Ф. де Соссюра, каждый знак является произвольным. Тем не менее, естественная необходимость в объяснении окружающего мира, изначально присущая человеку, неизбежно приводит к появлению классов знаков, произвольность которых относительна [Gómez, 2012, с. 15]. Речь идет, в частности, о криптографии или о клинописных текстах, о древнейших алфавитах.

Сам Соссюр приводит следующий пример в связи с вводимым им понятием языковой *мотивации*. Число 19 (по-французски *dix-neuf*) есть особого рода синтагма, состоящая из знаков *dix* (10) и *neuf* (9). Значение целого скомпоновано здесь из значений составных элементов. Прозрачность общего смысла, то есть «мотивированность» данной синтагмы проистекает из ясности значений её элементов [Gómez, 2012, с. 16].

При этом фонетическая трансформация, согласно справедливому наблюдению Ф. де Соссюра, может существенно изменить вышеописанную ситуацию. Л. Ф. Гомес приводит в этой связи следующий пример на материале испанской лексемы *enemigo* («враг»), произошедшей от латинской лексемы *amicus* («друг») с префиксом – *in*, обозначающим в данном случае отрицание [Gómez, 2012, с. 16]. Латинское *in-amicus* (букв. «не друг / недруг») превратилось сначала в *inimicus* [Дворецкий, 1976, с. 527], минимально изменив свой внешний облик.

Inimicus же превратилось в *enemigo* («враг», «недруг»), по всей видимости, уже в период преобразования народной латыни в будущий кастильский язык, но не позже XII в. Подтверждение мы находим, в частности, в «Поэме о Сиде». *¡Esto me han buuelto mis **enemigos malos**!* («Вот что учинили мне лихие недруги») [Cantar de mio Cid, с. 10]. Являясь очевидным плеоназмом («злые враги / лихие недруги»), приведенный пример транслирует фольклорный стереотип, свойственный средневековому эпосу.

При анализе рассматриваемого явления в «Поэме о Сиде» представляется уместным подход И. А. Мельчука, обращающего внимание на «лексическую функцию» (ЛФ) [Мельчук, 2012, с. 166].

ЛФ проявляется в коллокациях различных типов [Мельчук, 2012, с. 165]. В качестве таковой выступает сочетание *enemigos malos*, где *ключевым словом* или *базой* («аргументом» ЛФ) служит лексема *enemigos*, а её «коллокатом» (или «функцией») – лексема *malos*. Данный вид ЛФ Мельчук определяет как *Magn* («интенсификатор»). Среди приводимых им примеров присутствуют коллокации, образованные в том числе по данному типу: в роли *базы* выступает имя существительное, а в роли *коллоката* – имя прилагательное. Данная ЛФ выражается в виде общей формулы $Magn(S) = Adj$, где *S* – существительное, а *Adj* – прилагательное. В нашем случае: *Magn(enemigos «враги»)* = *malos* «злые» [Мельчук, 2012, с. 76–77].

Исходя из внутренней цельности синтагмы *enemigos malos* или даже *mis enemigos malos* («мои заклятые враги»), внутри которой существительное *enemigos* имеет обязательную валентность [Кацнельсон, 1987] на *malos* и на *mis* как на определения, её можно воспринимать как речевой знак, маркирующий средневековую ментальность в её устной фольклорной традиции.

Разумеется, при этом оба приведенных варианта в современном испанском языке утратили бы необходимую контекстуальную и культурологическую обусловленность и с точки зрения стиля выглядели бы неуместно. То есть, выражение *enemigos malos* («злые враги / лихие недруги»), скорее всего, было бы заменено на *enemigos mortales* («заклятые / смертельные враги»). Причем по нашему наблюдению данная синтагма в современном языке уже не выглядела бы в такой же степени единым целым, как *enemigos malos* («злые враги / лихие недруги») в «Поэме о Сиде».

С другой стороны, в современном испанском языке лексема *volver* («возвращать(ся)», «поворачивать», «переворачивать» и проч.) не является полноточным синонимом глагола *hacer* («делать»). В переводе на современный язык вышеуказанная фраза могла бы быть трансформирована, как минимум, тремя способами. 1) *Esto me han hecho mis enemigos mortales* (букв. «Это мне сделали мои смертельные враги»). 2) *Así me han puesto mis enemigos mortales* (букв. «Так меня поставили мои смертельные враги»). 3) *Muy desgraciado me han vuelto mis enemigos mortales* (букв. «Очень несчастным меня повернули мои смертельные враги»).

Первый вариант почти полностью совпадает со средневековой версией с той лишь разницей, что слово «злой» заменено на «смертельный», а гла-

гол с центральной семей «обращать, возвращать, переворачивать» заменен на глагол «делать». При этом синтаксис полностью сохраняется. Во втором варианте замена глагола сопровождается изменением падежного управления. С адресата акцент смещается на объект («мне учинили») преобразовывается в «меня поставили»). Наконец, в третьем случае при частичном сохранении синтаксиса и попытке сохранить поэтический стиль всё же очевидно изменение в употреблении глагола *volver*. В средневековом испанском языке (по крайней мере, в эпосе) он обладает фактитивным значением, но формально требует наличие адресата действия, а не его объекта. В современном же языке подобное употребление данного глагола невозможно. Однако, его фактитивное значение проявляет себя в серии устойчивых выражений, где данный глагол требует не только наличия объекта воздействия, но и прилагательного, сопровождающего данный объект, и относящегося к результату указанного воздействия. Например, *volverle a alguien feliz / desgraciado / loco, etc.* («сделать (то есть букв. «повернуть») кого-то счастливым / несчастным / сумасшедшим» (то есть свести с ума и т. д.).

Как можно видеть, несмотря на существенные различия между средневековым кастильским вариантом и его современными условными эквивалентами, есть и сходства, в том числе в плане синтаксиса. Во всех трех случаях речь идет не только о сохранении в употреблении времени *Preterito Perfecto Compuesto* (условный аналог английского *Present Perfect*), но и о сохранении (в большей или меньшей степени) общей структуры высказывания. Что касается лексического наполнения, глаголы *hacer, poner, volver* сопоставимы друг с другом с точки зрения наличия у них общей глубинной семы, связанной с воздействием на одушевленный объект.

Исходя из всего вышеизложенного, представляются справедливыми следующие выводы: 1) пути варьирования языкового знака в диахронии могут делать акцент как на аффиксах, так и на «приращении» к смысловому ядру «обязательных» коллокатов; 2) изменения в семантике и синтаксисе в диахронии могут допускать наличие особого рода преемственности в отношении восприятия действительности в рамках одного языка.

От Ф. де Соссюра к Э. Бенвенисту

Возвращаясь к учению Ф. де Соссюра, следует отметить его рассуждение о языке как о наборе взаимосвязанных структур, которым присуща

внутренняя оппозиция *означающего* и *означаемого* [Saussure, 1945].

Как известно, Ф. де Соссюр, говоря о языке в совокупности его разносторонних черт, выделяет отдельно *language, langue, parole*. *Language*, то есть язык как феномен имеет индивидуально-социальную природу [Золотухин, 2016, с. 332]. Обладая различными аспектами: физическим, физиологическим и психическим, он представляет собой комплексное явление, которое невозможно вместить в жесткие рамки [Saussure, 1945].

Language в свою очередь делится на *langue* (то есть язык в узком смысле слова) и *parole* (речь). Швейцарский исследователь объявляет объектом исследования лингвистики *langue* как автономную и устойчивую систему, подчиняющуюся классификации, оставляя в стороне *parole* (речь). Последняя по наблюдению ученого является в каждом случае уникальной и зависит от индивидуальных особенностей того, кто её произносит [Saussure, 1945].

Для Ф. де Соссюра главным компонентом *langue* является языковой знак – *z*, который присутствует в мозгу носителей определенного языка. Этот знак амбивалентен и представляет собой «соединение двух психических составляющих»: *означаемого*, то есть смысловой сущности и *означающего*, то есть акустического образа [Saussure, 1945, с. 91]. Языковой знак является произвольным, то есть для каждого языка соотношение *означаемого* и *означающего* будет в каждом случае индивидуальным. Поэтому, *означающее* не является в строгом смысле слов наименованием объекта, но лишь его звуковой репрезентацией, «ментальным впечатком». В противоположность ему *означаемое*, то есть концептуальное содержание является более абстрактной сущностью.

Также Ф. де Соссюр говорит о «линейности» *означающего*, которое представляет собой цепочку морфем, следующих друг за другом. То есть акустический образ языкового знака реализует себя во времени [Saussure, 1945, с. 91].

В свою очередь Э. Бенвенист утверждает, что языковой знак связан с наименованием предмета не через него самого, а посредством акустического образа и смысла, то есть *означающего* и *означаемого*. Согласно мнению Э. Бенвениста, это подтверждается произвольностью языкового знака. Полемизируя с Ф. де Соссюром по поводу вышеуказанной референциальной соотносительности, он выводит окружающую действительность – предметный мир за пределы человеческого мышления. По его мнению, если языковой знак при-

сутствует в уме говорящего, нет оснований считать, что он указывает на реальный предмет, находящийся вне нашего ментального пространства [Benveniste, 1971, с. 54].

Э. Бенвенист соглашается с Ф. де Соссюром по поводу произвольности языкового знака в связи с тем, что в каждом языке для данного *означаемого* будет свое *означающее*. Однако, он оспаривает его идею об амбивалентности отношений *означаемого* и *означающего*. Согласно мнению Ф. де Соссюра, их связь одновременно неизменна и подвижна. Она неизменна в том смысле, что данное *означающее* достается нам в каждом языке от предыдущих поколений, и мы не можем в одночасье его изменить или заменить на другое. В то же время в силу различных факторов, например, социального, постепенная замена подобного плана оказывается возможной [Saussure, 1945, с. 100]. Э. Бенвенист в этой связи говорит о том, что подобная двойственность отношений присутствует не между *означающим* и *означаемым*, а между языковым знаком и реальным объектом. Таким образом, в каждой повседневной ситуации тот или иной языковой коллектив, называя вещи именами, создает собственные «конвенциональные объекты» [Benveniste, 1971, с. 54].

Вербально-коммуникативный аспект реализации языкового знака

А. Шафф, польский философ, социолог и лингвист переносит языковой знак непосредственно в область вербальной коммуникации, то есть речи. Исследователь подчеркивает тот факт, что знак несет в себе значение, унифицированное для всех носителей данного языкового коллектива, что и обеспечивает их взаимопонимание [Schaff, 1966, с. 164]. В отличие от Ф. де Соссюра, А. Шафф говорит не о языковом, а о *речевом* знаке. Ученый делает акцент на том, что «речевой знак несет в себе не просто значение, но также и звук, который имеет материальную природу и распространяется в пространстве волны, без чего коммуникация была бы невозможна» [Schaff, 1966, с. 203].

Исследователь подчеркивает прозрачность языкового смысла и органическую связь между языком и мышлением. В связи с чем с его точки зрения речевой знак следует воспринимать в его целостности, не подразделяя на составные элементы.

Кроме того, по мнению А. Шаффа указанная выше прозрачность позволяет речевому знаку достигнуть максимально высокой степени абстрак-

ции, недоступной знакам другого плана [Schaff, 1966, с. 213].

Согласно наблюдению У. Эко, в отношении языкового знака возможен семиотический подход двух типов. Первый тип рассматривает аспект коммуникации, второй концентрирует внимание на процедуре обозначения.

В том, что касается первого типа, по мнению У. Эко, Ф. де Соссюр недостаточно четко определил характер *означаемого*, оставив его в пограничной области на стыке «ментальной репрезентации», идеи и «отпечатка психологической реальности» [Есо, 1991, с. 32]. Как отмечает У. Эко, Ф. де Соссюр уподобляет лингвистические знаки конвенциональным атрибутам, полностью искусственным по своей природе, таким как: правила этикета, алфавит или система дорожных обозначений [Товар-Вьера, 2014, с. 113].

Второй тип связан с семантическим треугольником Ч. С. Пирса, включающим знак, объект (*референт* или иначе *денотат*) и знак, выполняющий функцию интерпретации по отношению к первичному знаку. Важно то, что и *денотат*, и первичный знак имеют объективный характер. Первичный знак является конвенционально обусловленным. Это результат определенной «договоренности» между членами данного сообщества в случае, если речь идет о языке, или нескольких сообществах, если имеются в виду другие знаковые системы. В то же время знак-интерпретатор имеет подчеркнуто субъективный характер, существует только в мозгу данного конкретного индивида в конкретной ситуации и является результатом соединения влияния на этого индивида *объекта-референта (денотата)*, первичного объективного, «общественно узаконенного» знака и его (индивида) ментально-эмоциональной реакции на указанную выше ситуацию [Пирс, 2000, с. 91].

В некоторых случаях, однако, первичный знак может выступать таковым в пределах своего языка, но быть *вторичным образованием* по отношению к другим языкам и даже представлять особый конструкт, состоящий из сцепления более простых первичных знаков. В качестве примера можно привести французское обозначение числа «90» *quatre-vingt-dix* (букв. 4-20-10).

В тех ситуациях, когда мы имеем дело с метафорой или рядом метафор, вторичный десигнат – интерпретатор первичного знака может приобретать теоретически бесконечное число коннотаций. В частности, если речь идет о поэзии, о художественной литературе, о песенном творчестве. В качестве примера можно привести песню знамени-

того каталонского барда Ж. М. Серрата на испанском языке «*A la orilla de la chimenea*» (букв. «*На побережье у камина*»). Путем серии многослойных метафор мужчина и женщина осуществляют диалог, исполненный любви к друг другу. Однако, при этом очевиден сложный и многоуровневый характер их отношений. Ж. М. Серрат говорит своей любимой: «*Y si quieres, también puedo ser tu estación y tu tren*» [Serrat] («И, если ты хочешь, я так же могу быть для тебя вокзалом и поездом»). И автор, и исполнитель, и любой новый слушатель будет вкладывать в эти строки свой глубоко индивидуальный смысл, ведомый лишь ему одному, если строки найдут отклик в его душе.

В связи со всем вышеизложенным представляется обоснованным предпочтение У. Эко тройственной природы знака в соответствии с концепцией Ч. С. Пирса по сравнению с его дуалистичной природой согласно Ф. де Соссюру [Есо, 1991, с. 32].

В свою очередь Э. Косериу отмечает тождественность природы иллокутивных актов в том или ином языковом сообществе при отсутствии между ними полной идентичности. Исходя из данного положения и обращая особое внимание на аспект речи, ученый определяет язык как «совокупность индивидуальных иллокутивных актов, одинаково доступных в реализации и восприятии участникам данного языкового коллектива» [Coseriu, 1983, с. 11].

Говоря те или иные слова, люди преследуют одну и ту же цель: донести до собеседника определенное содержание. Индивидуальные особенности сознания говорящего способствуют индивидуализации каждого иллокутивного акта и превращают его в акт творчества, осознанного или неосознанного, где присутствует интуиция. Поэтому, в каждом конкретном случае тот или иной носитель языка придает данному языковому знаку свое, *частное* значение в зависимости от ситуации [Tovar-Viera, 2014, с. 115]. Согласно мнению Косериу, языком называется «любая система знаков, обладающих символическим значением, используемая для коммуникации внутри группы или сообщества. То есть любая система знаков, годная для выражения идей и чувств, иначе говоря: определенного *состояния сознания*» [Coseriu, 1983, с. 8]. Таким образом, человеческий язык *распознает* такие знаки как слова в качестве *входящих стимулов*, в качестве реакций на определенные ментальные образы и в качестве выражения ментальных репрезентаций [Tovar-Viera, 2014, с. 115].

С другой стороны, символический характер знака конвенционально связывает его с реальностью, в основе своей не зависящей ни от говорящего, ни от реципиента [Coseriu, 1983, с. 8].

Когнитивный подход

В противоположность традиционным точкам зрения когнитивная лингвистика утверждает неразрывную связь языка, как и других *компетенций*, присущих человеку, с опытом. Это означает, что значение не существует независимо в отрыве от человеческой психики, но является её частью. Поэтому, языковая структура в большой степени зависит от вида и формы концептуализации. Индивидуальные типы последней, свойственные каждому участнику языкового коллектива, совместимы и сопоставимы друг с другом, что в итоге обеспечивает эффективную межличностную коммуникацию [Lakoff, Johnson, 1980].

Дж. Лакофф также подчеркивает тот факт, что подход, основанный на опыте, прежде всего, сенсорного характера, в наибольшей степени соответствует реальному положению вещей. Язык не является по наблюдению ученого механизмом, изолированным от других когнитивных свойств человека, но, напротив, связан с ними непосредственно. Язык как часть общего мыслительного аппарата позволяет структурировать концепты, использовать одну структуру для категоризации другой, моделировать и воспринимать ситуацию на разных уровнях абстракции и комбинировать простые модели для создания более сложных. Все эти явления наглядно демонстрируют связь языка, мира и мышления [Lakoff, Johnson, 1980; Lakoff, 1987].

Язык – это когнитивная способность индивида, которая «питается» его взаимодействием с окружающей средой и с другими индивидами внутри определенного языкового коллектива. Таким образом, говорящий или его собеседник пользуется набором языковых знаков, которые они оба ассоциируют с определенными фонологическими и семантическими репрезентациями. Это значит, что важность символической функции языка кроется именно в обозначении явлений и предметов, то есть в референциальности, в соотношении одного с другим, что и составляет его природу.

Беря за основу идеи Дж. Лакоффа и М. Джонсона, можно говорить об особом рода референциальности, проявляющей себя в многоплановом и многослойном мире метафоры, пронизывающем человеческий язык насквозь. Метафора в нашем понимании является не только одной из

наиболее гибких и пластичных форм категоризации. Будучи основанной порой на индивидуальном опыте, а чаще на опыте всего языкового коллектива, она позволяет удивительным образом моделировать так-называемые *концептуальные структуры*. При этом символическая роль достигает в ней апогея, ибо способствует нетривиальному переносу признаков и черт одних концептов на другие. И даже в тех случаях, когда подобный перенос укладывается в рамки формальной логики, он представляет собой сложное явление, так как не является полностью *линейным* и однонаправленным.

В связи со всем вышесказанным Гомес обращает внимание на тот факт, что две метафоры (или целая группа таковых) подчас связывают в единое пространство разные лексико- и фразеосемантические поля, за счет того, что в основе лежит одна стержневая идея, одна концептуальная метафора. При этом трансформации, которые происходят в указанном пространстве могут относиться не только к его лексической составляющей, но и отражаться в грамматике. В качестве примера исследователь приводит следующую концептуальную метафору: *гнев – есть горячая жидкость, помещенная в контейнер*. Соответственно, метафорическое содержание приводимых далее испанских выражений при всей их разнородности будет подчинено этой центральной идее: гнев, готовый выплеснуться наружу, подобен горячей жидкости в контейнере, которой в нем тесно. Примеры:

1. *Está que explota* – он/она вот-вот взорвется (от ярости), (букв. «находится в состоянии готовности к взрыву»)

2. *le sale humo por las orejas* – у него/у неё валит дым из ушей

3. *me tiene hasta la coronilla* – он/она/это меня достал/ла/ло, (букв. «владеет мной аж до темени») [Gómez, 2012, с. 19].

Как можно наблюдать, приведенные фразы различаются не только по своему лексическому составу, но и по своей грамматической структуре. Все три выражения подразумевают в своей основе одну главную мысль, но выражают её по-разному. Каждый раз при выборе того или иного способа выражения мысли носитель языка опирается на фон общих знаний, которыми владеет. При этом в каждой конкретной ситуации его выбор так же обусловлен тем уникальным состоянием его ментальных процессов, которое в данную минуту актуально для него как для отдельного индивида.

В связи с этим П. Н. Барышников утверждает: проблемы семантики связаны с особенностями

психофизической природы сознания человека. А этот факт в свою очередь обуславливает содержание языкового выражения [Барышников, 2016, с. 122]. Ученый ссылается в этой связи на исследования лингвиста и философа Р. Джекендоффа [Jackendoff, 1983], теории которого всегда были на стыке генеративной и когнитивной лингвистики. Рассуждая в подобном русле, П. Н. Барышников приходит к верным, на наш взгляд, выводам. Языковые структуры «обуславливают работу сознания» в значительной степени и одновременно являются её результатом, как бы ««вбирая» специфические черты физического носителя сознания» [Барышников, 2016, с. 122].

Данный процесс представляется взаимонаправленным. Сознание как совокупность существенных характеристик индивида, формируемых в том числе во взаимодействии с окружающим миром, в большой мере определяет природу создания им устных и письменных текстов. Это подтверждается, в частности, теорией В. фон Гумбольдта о том, что каждый человек говорит на своем собственном языке [Гумбольдт, 1984]. Данный тезис в свою очередь коррелирует с тем, что «семантические свойства языка включают в себя особенности свойств мозга, тела, социального и природного окружения, культурно-исторического контекста и т. п.» [Барышников, 2016, с. 122].

При этом и язык, и сознание человека являются системными феноменами. Поэтому, с нашей точки зрения предыдущие тезисы коррелируют также с идеей Н. Л. Сухачёва, рассуждающего о природе языка как системы. «За системностью языка стоят, с одной стороны, структура человеческого сознания, а с другой – конкретные языковые традиции, каждая из которых системна по своему» [Сухачёв, 2007, с. 279].

С другой стороны, если ту или иную языковую традицию можно описать, то человеческое сознание поддается описанию лишь косвенным путем через порождаемые им *материальные единицы*, например, языковые знаки и тексты. Непознаваемость внутреннего мира человека связана также и с тем, что на психические процессы могут влиять факторы разного свойства. Начиная от собственно языковых знаков и текстов, проходя через многоаспектный мир эмоций и чувств, и заканчивая биологическими процессами. В случае, если речь идет о духовно развитом человеке, подчас сложно определить грань, где заканчивается мир символов, и где начинаются факторы биологического характера. Всё это скрыто от взора непосредственного наблюдателя.

При этом несомненным является факт посредничества мозга во взаимодействиях организма и среды, что в свою очередь обуславливает существование когнитивно-биологического подхода к функционированию языкового знака.

Ниже приводятся рассуждения Н. Л. Сухачёва и Н. Ф. Алефиренко, которые роднит стремление связать воедино разные материи, в частности: лингвистику, биологию и психологию. На наш взгляд, данная попытка представляется удачной, поскольку эти рассуждения характеризуются внутренней цельностью. Их философская подоплека – фундаментальное единство всего сущего.

Когнитивно-биологический подход

В рамках своей теории Н. Л. Сухачёв высказывает любопытную мысль. «В живой природе в специфических формах проявляются законы отражения, определяющие связность всех природных образований. Иными словами, нервно-психические сигналы онтологически восходят к универсальным законам отражения, и важнейшая их функция – экзистенциальная. Что касается индивидуально-социального „сигнала сигналов” (словесного знака), то по мере аккумуляции человеческого опыта и повышения уровня рефлексии он перерастает в своего рода форму отражения отражений, обретая уникальную когнитивную и неотъемлемую от неё коммуникативную функцию» [Сухачёв, 2007, с. 259].

Переход взаимоотношений со средой на более сложный уровень предусматривает в каждом случае перестройку психической структуры.

При этом только сигналы высшей нервной деятельности, в частности «речевые „сигналы сигналов”» предопределяют зарождение сознания и последующую его эволюцию» [Сухачёв, 2007, с. 260].

Н. Ф. Алефиренко отмечает в этой связи единство восприятия человеком среды своего обитания и себя самого на первых этапах существования. Постепенное дистанцирование своей идентичности от окружающего пространства, а затем и противопоставление себя ему происходит под воздействием возрастающей способности к аналитическому мышлению [Алефиренко, 2005, с. 185]. В результате упомянутые выше универсальные законы отражения приобретают следующую специфику. Окружающая реальность оставляет свой слепок в сознании человека, превращаясь в «психический феномен – в образ мира», где человек является субъектом отражения, а внеш-

ний мир – его объектом [Алефиренко, 2005, с. 185; Schwarz, 1992, с. 36].

Делая акцент на биологических основах возникновения знаковых систем, Н. Ф. Алефиренко утверждает: «„Замыкание временных связей” (т. е. „формирование новых временных связей между различными элементами мозга” [Павлов, 1951, с. 362]) является центральным звеном в процессе знакообразования» [Алефиренко, 2005, с. 186]. Именно в этот момент происходит «превращение индифферентного раздражителя в *значимый, сигнальный...*», сопровождаемое возникновением «обратной связи» [Алефиренко, 2005, с. 186].

При этом ученый называет биологическую часть процесса лишь «общей канвой», на которой вырисовывается «психологический узор», подчеркивая тем самым двойственную природу возникновения знака [Алефиренко, 2005, с. 186]. Как справедливо отмечает исследователь, «именно здесь (то есть в момент возникновения обратной связи) и происходит рождение в семиозисе идеального ... „замыкание временных связей” и „снятие” (идеализация) отражаемого предмета превращает сигналы в знак (сигналы сигналов), поскольку у них появляется важнейшее семиотическое свойство – оказывать *мотивационное* воздействие на психику человека» [Алефиренко, 2005, с. 186].

Далее Н. Ф. Алефиренко обращает внимание на полифункциональный характер словесного знака как единицы «второй сигнальной системы» [Павлов, 1951, с. 362]. Кроме рефлекторной, с одной стороны, а с другой – когнитивной и коммуникативной функций, он приобретает возможность выполнять также индикативную, номинативную, прагматическую (как средство воздействия) и экспрессивную функции [Алефиренко, 2005, с. 186].

При этом следует отметить тот факт, что в разных ситуациях удельный вес той или иной функции может существенно меняться. В частности, плеоназм в примере из «Поэмы о Сиде», приведенный нами ранее (*mis enemigos malos – лихие мои недруги*), призван был предельным образом усилить эмоциональное воздействие на слушателя, а позднее на читателя. В современных испанских выражениях экспрессивная функция может также реализовываться путем усиления признака, релевантного для данной ситуации. Однако, речь будет идти уже не о плеоназме, а о повторе. Например, ¡*Cochino más que cochino!* – *Ну ты/он/она и свинья!* (букв. «Свинья, и больше, чем свинья»). Другим видом *экспрессива*, где ин-

тенсификация признака выражена с помощью прилагательного *menudo*, может служить следующая конструкция. ¡Menudo holgazán estás hecho! – Ну ты и лентяй (ну и лентяем же ты стал!) (букв. «Этаким лентяем ты заделался»). Первоначальное значение прилагательного *menudo* – *мелкий, крошечный* в подобного рода контекстах постепенно преобразовалось в *жалкий, ничтожный* [Moliner, 1998, с. 327]. А это в ряде случаев может отражать не только экспрессивную, но и прагматическую функцию, связанную с воспитанием. Однако, в некоторых ситуациях употребление *menudo* в данной конструкции может приводить к обратному эффекту: восхищение собеседником (или третьим лицом), выражаемое за счет усиления соответствующего признака [Moliner, 1998, с. 327]. Это особенно заметно в рамках подчеркнуто разговорного стиля. Подобное явление наглядно демонстрируется, например, в отзыве о тренере по подводному плаванию, оставленном на сайте *tripadvisor*: ¡Menudo crack! Este tío es la caña, es un orgullo haber buceado con él. – «Вот это спец! (букв. «потрясающий дока»). Мужик реально крут. Горжусь, что нырял вместе с ним» [Tripadvisor].

В связи с приведенным примером следует отметить переосмысление в испанском разговорном языке англицизма *crack*. С точки зрения английского языка центральной семой здесь является момент разрушения, влекущего за собой ряд дополнительных отрицательных коннотаций. В то время как нейтральные или позитивные коннотации имеют в процентном отношении гораздо более низкий удельный вес. Кроме того, в английском языке это слово может относиться к разным стилевым регистрам. В испанском же языке данная лексема, во-первых, является принадлежностью подчеркнуто разговорного стиля, во-вторых, употребляется в положительном смысле, подразумевающим восхищение собеседником или третьим лицом.

Результаты исследования

Представленные выше примеры подтверждают обоснованность существования различных подходов к интерпретации языкового знака. На наш взгляд, при сравнительно большей объективности и *вещественной направленности* когнитивного и когнитивно-биологического подходов, они не опровергают, а удачно дополняют концепции Ф. де Соссюра, Э. Бенвениста и Ч. С. Пирса. Каждая из вышеупомянутых доктрин стремится к рас-

крытию с новой стороны сложнейшего явления на стыке лингвистики, философии и психологии.

Э. Бенвенист рассуждает об этом в следующем ключе. Языковая форма – есть условие «реализации и передачи мысли» [Бенвенист, 2002, с. 104–106].

По наблюдению Л. С. Выготского, несмотря на отсутствие полного тождества между мыслью и словом, значение слова – есть «акт мышления» [Песина, 2009, с. 179; Выготский, 1999].

В качестве следствия из выше приведенных тезисов можно очередной раз констатировать: языковой знак обретает подлинный смысл, когда соответствующая коммуникативная ситуация и соответствующее контекстуальное окружение задают ему рамки посредничества между языком и ментальным пространством человека.

Заключение

В качестве заключения представляется уместным еще раз подчеркнуть сопоставимость природы языковых и ментальных процессов в том смысле, что и язык, и сознание человека являются структурированными системами. В связи с этим выглядит удачным определение структуры, данное Н. Л. Сухачёвым со ссылкой на Ж. Пиаже как «системы преобразований». «Структура включает ... три условия (*les trois caractères*): цельности, трансформируемости и саморегуляции» [Сухачёв, 2007, с. 279; Piaget, 1974, с. 7]. И если вопрос саморегуляции и цельности сознания человека подчас кажется спорным, то безусловным является факт его трансформируемости. Что касается языка, все три характеристики здесь вполне справедливы.

О взаимной соотнесенности процессов, свойственных языку и мышлению, говорит, в частности, С. А. Песина со ссылкой на Г. Гийома. По справедливому наблюдению исследователя, «язык овеществляет ментальное. Ментальное обращается к физическому, последнее должно обеспечить ему чувственное восприятие» [Песина, 2009, с. 178]. Однако физическое воспроизведение ментального, ограниченное по своей природе, никогда не сможет передать ментальное в полной мере достоверно. На протяжении всего периода своего существования человеческий язык осуществляет непрерывный поиск путей максимально точной передачи содержания мысли, образа или чувства [Песина, 2009, с. 178; Гийом, 1992].

По справедливому наблюдению Н. Хомского, язык – один из главных ключей к раскрытию тайн сознания [Chomsky, 1957]. Выражаем надежду на

то, что уважаемые коллеги и будущие исследователи прольют новый свет на природу языкового знака, расширив диапазон корреляций между языком и сознанием, включая, например, такой важный и в то же время сравнительно новый для нас аспект, как роль искусственного интеллекта.

Библиографический список

1. Алефиренко Н. Ф. Когнитивно-лингвистические механизмы семиозиса // Научни трудове. Пловдивски университет «Паисий Хилендарски». Серия: Филология. 2005. Т. 43, кн. 1. С. 185–192.
2. Барышников П. Н. Когнитивная лингвистика и философия сознания: объяснительный разрыв в онтологии языкового знака // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 50, № 4. С. 119–134.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Москва : Эдиториал УРСС, 2002. 448 с.
4. Выготский Л. С. Мышление и речь. Издание 5-ое, исправленное. Москва : Лабиринт, 1999. 352 с.
5. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. Москва : Прогресс, 1992. 224 с.
6. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. Москва : Прогресс, 1984. 400 с.
7. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. Москва : Русский язык, 1976. 1096 с.
8. Золотухин Д. С. Терминологическая триада «langue-langage-parole» Фердинанда де Соссюра в работах разной степени аутентичности // Преподаватель XXI век. 2016. Т. 3, № 2. С. 329–334.
9. Кацнельсон С. Д. К понятию типов валентности // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 20–32.
10. Мельчук И. А. Язык: от смысла к тексту. Москва : Языки славянской культуры, 2012. 176 с.
11. Павлов И. П. Полное собрание сочинений: в 5-и т. Т. 3, кн. 2. Москва : Издательство Академии наук СССР, 1951. 439 с.
12. Песина С. А. Когнитивный подход к взаимодействию языка и мышления // Вестник ОГУ. 2009. № 7 (101). С. 178–180.
13. Пирс Ч. С. Логические основания теории знаков // Начала прагматизма. Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. 352 с.
14. Сухачев Н. Л. Об онтологии и генезисе речевого знака (семиотический и нозматический аспекты) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2007. Т. III, ч. 1. С. 258–284.
15. Cantar de Mio Cid. [б.г., б.и.]. 115 p. URL: <https://ww2.ac-poitiers.fr/espagnol/sites/espagnol/IMG/pdf/cantar-de-mio-cid.pdf> (дата обращения: 17/01/2025).
16. Chapman S., Routledge C. Key ideas in linguistics and the philosophy of language. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2009. 272 p.
17. Chomsky N. Syntactic structures. The Hague : Mouton, 1957. 117 p.
18. Coseriu E. Introducción a la lingüística. México : Universidad Nacional Autónoma de México, 1983. 112 p.
19. Eco U. Tratado de semiótica general. Barcelona : Lumen, 1991. 520 p.
20. Gómez L.-F. La relación del signo lingüístico con la mente y los procesos cognitivos: un ensayo de conceptualización desde una perspectiva histórico-cultural // Revista Rastros Rostros. 2012. Vol. 14. № 27. P. 14–24.
21. Jackendoff R. Semantics and cognition. Cambridge : The MIT Press, 1983. 288 p.
22. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. Chicago, London : The University of Chicago Press, 1987. 614 p.
23. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago : The University of Chicago Press, 1980. 242 p.
24. Moliner M. Diccionario de uso del español en 2 volúmenes. Vol. 1. Madrid : Gredos S. A., 1998. 1519 p.
25. Piaget J. Le structuralisme. Paris : Presses Universitaires de France, 1974. 125 p.
26. Pottier B. Lingüística General: teoría y descripción. Madrid : Gredos S. A., 1976. 426 p.
27. Saussure F. Curso de lingüística general. Buenos Aires : Losada, 1945. 260 p.
28. Schaff A. Introducción a la semántica. México : Fondo de cultura económica, 1966. 400 p.
29. Schwarz M. Einführung in die kognitive Linguistik. Tübingen : Francke, 1992. 289 p.
30. Serrat J. M. A la orilla de la chimenea. URL: <https://genius.com/Joan-manuel-serrat-and-rozalen-a-la-orilla-de-la-chimenea-lyrics> (дата обращения: 14/02/2025).
31. Tovar-Viera R. El signo lingüístico y sus concepciones teóricas // Ciencia y Tecnología al servicio del pueblo. 2014. Vol. 1. № 3. P. 107–117.
32. Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/LocationPhotoDirectLink-g1036817-d6888682-i196287684-Pata_Negra_Divers-Panglao_Island_Bohol_Province_Visayas.html (дата обращения: 12/02/2025).

Reference list

1. Alefirenko N. F. Kognitivno-lingvisticheskie mehanizmy semiozisa = Cognitive-linguistic mechanisms of semiosis // Nauchni trudove. Plovdivski universitet «Paisij Hilendarski». Serija: Filologija. 2005. T. 43, kn. 1. S. 185–192.
2. Baryshnikov P. N. Kognitivnaja lingvistika i filosofija soznaniya: ob#jasnitel'nyj razryv v ontologii jazykovogo znaka = Cognitive linguistics and philosophy of mind: an explanatory gap in the linguistic sign ontology // Jepistemologija i filosofija nauki. 2016. T. 50, № 4. S. 119–134.
3. Benvenist Je. Obshhaja lingvistika = General linguistics. Moskva : Jeditorial URSS, 2002. 448 s.
4. Vygot'skij L. S. Myshlenie i rech' = Thinking and speech. Izdanie 5-oe, ispravlennoe. Moskva : Labirint, 1999. 352 s.

5. Gijom G. Principy teoreticheskoy lingvistiki = Principles of theoretical linguistics. Moskva : Progress, 1992. 224 s.
6. Gumbol'dt V. Izbrannye trudy po jazykoznaniju = Selected works on linguistics. Moskva : Progress, 1984. 400 s.
7. Dvoreckij I. H. Latinsko-russkij slovar' = Latin-Russian dictionary. Moskva : Russkij jazyk, 1976. 1096 s.
8. Zolotuhin D. S. Terminologicheskaja triada «langue-langage-parole» Ferdinanda de Sossjura v rabotah raznoj stepeni autentichnosti = Ferdinand de Saussure's terminological triad «langue-langage-parole» in works of varying authenticity degrees // Prepodavatel' HHI vek. 2016. T. 3, № 2. S. 329–334.
9. Kacnel'son S. D. K ponjatiju tipov valentnosti = On the concept of valence types // Voprosy jazykoznanija. 1987. № 3. S. 20–32.
10. Mel'chuk I. A. Jazyk: ot smysla k tekstu = Language: from meaning to text. Moskva : Jazyki slavyanskoy kul'tury, 2012. 176 s.
11. Pavlov I. P. Polnoe sobranie sochinenij: v 5-i t. T. 3, kn. 2 = Complete Works: in 5 volumes. Vol. 3, book 2. Moskva : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1951. 439 s.
12. Pesina S. A. Kognitivnyj podhod k vzaimodejstvu jazyka i myshlenija = A cognitive approach to the interaction of language and thought // Vestnik OGU. 2009. № 7 (101). S. 178–180.
13. Pirs Ch. S. Logicheskie osnovanija teorii znakov = Logical bases of the sign theory // Nachala pragmatizma. Sankt-Peterburg : Aleteja, 2000. 352 s.
14. Suhachev N. L. Ob ontologii i genezise rechevogo znaka (semioticheskij i nojematicheskij aspekt) = On the ontology and genesis of the speech sign (semiotic and noematic aspects) // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij. 2007. T. III, ch. 1. S. 258–284.
15. Cantar de Mio Cid. [b.g., b.i.]. 115 p. URL: <https://ww2.ac-poitiers.fr/espagnol/sites/espagnol/IMG/pdf/cantar-de-mio-cid.pdf> (data obrashhenija: 17/01/2025).
16. Chapman S., Routledge C. Key ideas in linguistics and the philosophy of language. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2009. 272 p.
17. Chomsky N. Syntactic structures. The Hague : Mouton, 1957. 117 p.
18. Coseriu E. Introducción a la lingüística. México : Universidad Nacional Autónoma de México, 1983. 112 p.
19. Eco U. Tratado de semiótica general. Barcelona : Lumen, 1991. 520 p.
20. Gómez L.-F. La relación del signo lingüístico con la mente y los procesos cognitivos: un ensayo de conceptualización desde una perspectiva histórico-cultural // Revista Rastros Rostros. 2012. Vol. 14. № 27. P. 14–24.
21. Jackendoff R. Semantics and cognition. Cambridge : The MIT Press, 1983. 288 p.
22. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. Chicago, London : The University of Chicago Press, 1987. 614 p.
23. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago : The University of Chicago Press, 1980. 242 p.
24. Moliner M. Diccionario de uso del español en 2 volúmenes. Vol. 1. Madrid : Gredos S.A., 1998. 1519 p.
25. Piaget J. Le structuralisme. Paris : Presses Universitaires de France, 1974. 125 p.
26. Pottier B. Lingüística General: teoría y descripción. Madrid : Gredos S.A., 1976. 426 p.
27. Saussure F. Curso de lingüística general. Buenos Aires : Losada, 1945. 260 p.
28. Schaff A. Introducción a la semántica. México : Fondo de cultura económica, 1966. 400 p.
29. Schwarz M. Einführung in die kognitive Linguistik. Tübingen : Francke, 1992. 289 p.
30. Serrat J. M. A la orilla de la chimenea. URL: <https://genius.com/Joan-manuel-serrat-and-rozalen-a-la-orilla-de-la-chimenea-lyrics> (data obrashhenija: 14/02/2025).
31. Tovar-Viera R. El signo lingüístico y sus concepciones teóricas // Ciencia y Tecnología al servicio del pueblo. 2014. Vol. 1. № 3. P. 107–117.
32. Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/LocationPhotoDirectLink-g1036817-d6888682-i196287684-Pata_Negra_Divers-Panglao_Island_Bohol_Province_Visayas.html (data obrashhenija: 12/02/2025).

Статья поступила в редакцию 27.05.2025; одобрена после рецензирования 18.06.2025; принята к публикации 16.07.2025.

The article was submitted on 27.05.2025; approved after reviewing 18.06.2025; accepted for publication on 16.07.2025